

**ВЫСТУПЛЕНИЕ РЕКТОРА РАУ АРМЕНА ДАРБИНЯНА
НА ОТКРЫТИИ ЕЖЕГОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ РАУ**

3 декабря 2007 года

Дорогие друзья, уважаемые студенты и коллеги!

Я очень рад, что наш университет вступает в год своего 10-летия открытием этой научной конференции. Очень хорошо, что Годичная научная конференция РАУ становится традиционной. Это означает, что к 10-му году своего существования мы определились с тем, что наука и исследовательская деятельность стали приоритетом нашего университета.

Наверное, в XXI веке трудно создать университет, который занимался бы образованием, наукой и был бы при этом конкурентоспособным. Создать ВУЗ, который должен расти и параллельно демонстрировать свои достижения, способен зафиксировать свое место не только в образовательном пространстве Армении, но и в научных школах; создать, развить и защитить свои научные приоритеты.

Сегодня идет много споров о том, какова же главная цель XXI века, способная сплотить всех и вести дальше к прогрессу. Я абсолютно убежден, что XXI век – это век знаний. То, что в XX веке мы называли научно-технической революцией, сегодня происходит буквально каждый год. Мы должны находиться *на пульсе* самых новых достижений мировой науки и мы обязательно должны внести в нее нашу армянскую или, если хотите, российско-армянскую составляющую.

Я считаю, что сегодня в Армении и, в частности, в нашем университете есть огромные возможности для развития науки. Что бы мы сегодня ни делали для развития страны, осуществляли те или иные концепции развития – мы это делаем впервые. При этом впервые не только в Армении, не только в России, но и в мире, потому что мир никогда еще не знал такой глубинной трансформации общественных, политических и экономических отношений, которые произошли после распада СССР.

Существуют различные точки зрения на факт распада Советского Союза. В частности, известно определение президента России Владимира Путина, которое он дал находясь здесь, у нас, в Армении. Крушение Советского Союза Путин назвал крупнейшей геополитической катастрофой XX века. С другой стороны, создание нового Содружества Независимых Государств было названо

механизмом «цивилизованного развода» бывших союзных республик. Я думаю, что президент Путин сегодня, уже в конце 2007 года, переименовал бы свой тезис. Я убежден в том, что СНГ, а я бы его назвал Российским Содружеством, сегодня не только форма или механизм цивилизованного развода. Это – форма и механизм развития вокруг цементирующей составляющей Содружества – Российской Федерации, – обязательно сильной, мощной и системообразующей. Я думаю, что сегодня многие представители общественных наук, лидеры науки России, обязательно внесут эту коррективу, превратив ее в формулу, составляющую новый смысл Содружества Независимых Государств.

Я уже говорил как-то, что трансформация империй, которая происходит на наших глазах (Британская, Французская, Российская) приводит к тому, что они превращаются в Содружества. Это совершенно очевидный, вполне понятный и закономерный процесс, который происходит на наших глазах. Оцените уровень инвестиций в странах, входящих в Британское Содружество, – на Кипре, в Объединенных Арабских Эмиратах. Большинство экономических проектов в этих странах осуществляется британцами. Попытайтесь вырвать какую-нибудь страну из Британского Содружества. Это будет огромной трагедией для данной страны. Недавно мы были свидетелями того, как в связи с политическими потрясениями и давлением на так называемые демократические институты в Пакистане Британское Содружество приняло решение о временном «замораживании» участия Пакистана в составе Британского Содружества. Это очень остро отразилось в пакистанском сообществе – политическом, экономическом истеблишменте. Сегодня в Британское Сообщество пытаются попасть такие страны, которые, казалось бы, не имели раньше никаких оснований для того, чтобы быть членами этого Содружества. Это такие страны как Алжир, Тунис, другие.

Известна попытка Армении «записаться» в состав стран Франкофонии: во всяком случае, переговоры велись на государственном уровне. При этом обе стороны понимали, что нет никаких объективных оснований претендовать на осуществление этой идеи. В результате мы были приняты в качестве ассоциированного члена в ассоциацию стран Франкофонии. Но если судить по процессу развития французского языка, французской культуры, ее пропаганды в Армении хотя бы по данным нашего университета, где мы каждый год набираем всего две группы студентов, изучающих французский язык, то надо признать, что эта идея несколько преждевременна.

Что касается Российской Империи, то ее последнее проявление – это Союз Советских Социалистических Республик. Как бы этот Союз не называли, я же его называю, в сущности, Российской Империей. Империя рухнула, развалилась под тяжестью экономического, политического, международного, геополитического давления. Сегодня мы имеем совершенно иную ситуацию. По прошествии 16-ти лет после развала Советского Союза 12 стран бывшего СССР имеют абсолютно разные формы государственно-политического, правового, экономического существования. Казалось бы, все они начинали с единой исходной точки. Сегодня же там абсолютно разная ситуация.

За 16 лет существования Содружества 12 стран, составляющих это Содружество, оказались в абсолютно неодинаковых ситуациях. Они оказались в положении, когда каждая из них выискивает механизм своего дальнейшего развития – научно обоснованный, просчитанный на десятилетия вперед, – и очень мало, кто его смог найти.

Недавно я прочитал выкладки американских политологов, которые ясно говорят о том, что из 12 стран бывшего Союза вопрос европейской ориентации может стоять только в отношении трех стран – Грузии, Украины, Молдовы. Соответственно, американская стратегия по отношению к этим странам должна выстраиваться, учитывая этот приоритет.

Я думаю, что нам нужно развиваться в сторону Российского Содружества, имея в основе этого развития русский язык и русскую культуру не только в качестве средства межнационального общения, но и как средство познания мира. Мы должны владеть этим средством, потому что мы, познавая мир, становимся сильнее. Становясь сильнее, мы можем лучше представлять свою страну, ее ценности и достижения.

Я как-то уже писал о том, что каждый армянин сам по себе должен быть просветителем. Мы народ, который дал миру великих просветителей. Для того, чтобы быть просветителями, надо обязательно владеть каким-либо языком, который объединяет большую структуру, чем наш национальный язык. И эта база сегодня у нас есть. Овладевая русским языком, мы укрепляем свое место в рамках российского Содружества, и, одновременно, имеем возможность познавать мир глубже и быть представленными миру шире. В этом, мне кажется, заключается наша задача.

Возвращаясь к вопросам общественных наук, хотелось бы сказать, что у нас есть некое абсолютно неправильное отношение к действительности, которое заключается в том, что ученые, представители общественных наук как будто ждут каких-то политических, государственных решений в области экономики, политики, финансов для того, чтобы потом подкрепить эти решения своими научными выкладками. Считается, что процесс реформ, процесс общественно-политической трансформации как бы ищет и находит новые пути развития науки. Это абсолютно неправильная установка, которая ведет общественные науки к полнейшему тупику.

Приблизительно таким же образом общественно-политическая наука развивалась в Советском Союзе. Тогда основными этапами научного развития были съезды КПСС, после которых мы получали тексты выступлений Генеральных секретарей и начинали выдумывать какие-то концепции в подтверждение тезисов, озвученных на съездах. Я очень боюсь, что сегодня развитие общественно-политических наук идет в том же направлении и хочу, чтобы мы упредили это абсолютно пагубное развитие нашей науки. Общественно-политическая наука сегодня обязана задавать приоритеты, стратегические ориентиры, – и обязана направлять людей, которые призваны принимать политические решения. Только научно обоснованные, грамотно выстроенные стратегии дальнейшего развития в области политики,

государственного устройства, правоправедения, экономики могут вывести нас на достойный уровень благоприятного развития.

Основной вопрос, который сегодня ставится в нашей общественно-политической и научной практике – это вопрос соотношения рынка и демократии. В каком соотношении они должны быть в нашем механизме развития, который отображается в форме стратегических и экономических программ страны, программ политических партий и так далее? Какое соотношение демократии и рынка нужно каждой конкретной стране? Казалось бы, простой и вполне конкретный вопрос, но практика показывает, что на этот вопрос есть абсолютно разные ответы. Есть страны и их, к сожалению, большинство, которые так и не нашли ответа на этот вопрос. Я хочу подчеркнуть, что Армения, к сожалению, находится в ряду этих стран.

Каково же оптимальное соотношение рынка и демократии для нас сегодня – в той геополитической и геоэкономической системе, в которой мы находимся? 16 лет нашего развития я бы разделил на три основных этапа:

1. 1991–1998 гг. – этап первичных реформ. Эти реформы были абсолютно необходимы для социально-политической трансформации. Более или менее ровно к 1998 году подошли все 12 стран. И неясно, как бы пошло развитие этих стран, если бы не российский дефолт 1998 года. Дефолт явился сигналом для очень многих стран того, что надо разрабатывать свою собственную стратегию дальнейшего развития.

2. 1998–2003 гг. – этап поисков своих собственных приоритетов развития. По моему убеждению, только Россия и Казахстан сумели определиться в своих приоритетах до 2003 года.

3. После 2003 года начался этап реализации тех приоритетов, которые были осознаны и приняты за основу развития. Страны, не имеющие этих приоритетов, пока еще «болтаются» в пространстве, находясь в каком-то аморфном, полумертвом состоянии с точки зрения общественно-политической стратегии дальнейшего роста.

В чем сущность развития и благосостояния? Я очень люблю раскладывать русские слова на составляющие части. Благосостояние – это благое состояние. Благое состояние бывает в двух случаях – когда есть две такие категории как богатство и справедливость. Если есть богатство и справедливость на каком-то общественном полюсе, то здесь можно говорить о благосостоянии.

Есть всемирный индекс благосостояния, который называется «Индекс мира и покоя». По этому индексу в первую десятку входят такие страны как Исландия, Норвегия, Дания, Швеция. Только Норвегию из этих стран можно отнести к числу богатых сырьевыми ресурсами стран. Норвегия является второй по счету европейской страной, обеспечивающей газом Европу. Эта страна накопила порядка 100 млрд. долларов в государственном фонде именно

благодаря газу, но самое интересное то, что Норвегия развивается не только благодаря своим природным ресурсам.

Чтобы наступило это состояние мира и покоя, видимо, нужно все-таки некое национальное понимание важности данного приоритета. Я с трудом представляю себе, как можно в армянском обществе обеспечить это состояние покоя и свободы. Может быть, сегодня это даже невозможно. Я бы начал внедрение этого состояния с осуществления свободы. О покое можно думать потом, когда у нас будет реализована свобода.

Начнем со свободы. Мы попытались начать свое развитие со свободы в 1991 году, но нам очень помешала война. Мы стали уникальной страной, которая проводила либеральные по своей сути и содержанию реформы в состоянии войны. А эти реформы были абсолютно либеральными. Если рассмотреть законы и порядки, которые были утверждены в начале 90-х годов, то обнаружится, что это были законы и порядки абсолютного либерализма, подобных которым в мире пока что не было. Мы даже дошли до того, что разрешили свободно распоряжаться средствами капитальных инвестиций. Армения – одна из редких стран мира, которая разрешила инвестировать в свою экономику, давая при этом возможность в любой момент эти инвестиции забрать обратно. В Китае, например, действует 10%-ое ограничение. То есть полностью все инвестиции можно забрать только через 10 лет.

Система политической свободы и полного либерализма себя, к сожалению, не оправдала, поскольку мы находились в состоянии длительной войны. Не бывает такого, чтобы страна воевала и вместе с тем проводила либеральные реформы. То же самое можно сказать и о России. В России была абсолютная опасность распада империи. Россия вела битву за то, чтобы не распасться. Поэтому либеральные реформы в России тоже провалились. Выборы, которые мы наблюдали вчера и результаты, которые мы можем зафиксировать уже сегодня, показывают, что либеральная идея в России практически мертва. Все либеральные партии, вместе взятые, набрали всего 3% всех голосов избирателей. В России сегодня нет либеральной идеи. Хорошо это или плохо? Россия – это империя. Я согласен с философом Ильиным в том, что Россия может существовать только как империя. А империи либерализм действительно не нужен.

Что касается Армении, то здесь без либерализма просто невозможно представить себе сколько-нибудь разумную стратегию развития. Либерализм в Армении необходим, потому что мы не можем стать империей. Наверно, армянские националисты хотели бы этого, но у нас нет объективных данных становиться империей. Либерализм для армянского общества, для армянского политического устройства не имеет альтернативы. В армянском Парламенте нет либералов. Послушайте армянские политические дебаты – в них нет либерализма. Получается, что из-за проблем с внедрением либеральной демократии в начале 1990-х годов Армения на 17-ом году реформ и независимости тоже вынуждена отказаться от либерализма. Это означает, что мы отказываемся от основ какого-то бы ни было развития, что, конечно, очень печально.

Возвращаясь к тем задачам, которые должны решать общественно-политические науки, считаю, что сегодня абсолютно не исследован опыт преобразования за эти шестнадцать лет в каждой стране бывшего Советского Союза. А это – уникальный опыт, который зиждется не только на том, что там были одинаковые условия развития. Каждая страна имеет свою траекторию развития только «благодаря» тому народу, который населяет ее. То есть национальная культура, менталитет, готовность народа к осуществлению той или иной стратегии развития имеет определяющее значение. Получилось, что по прошествии этих 16 лет мы фиксируем, что эта готовность абсолютно разная во всех 12 странах нашего общего постсоветского пространства.

Сравнительный анализ исследования опыта, который накапливается в каждой из этих стран, представляет собой огромный пласт для научных исследований, разработок и рекомендаций на будущее. Я хочу еще раз подчеркнуть, что наши политики в этом, несомненно, нуждаются. Может быть, они этого еще не понимают, но они поймут это очень скоро, и мы опять окажемся в ситуации, когда не будет никаких разработок. В 1991 году мы уже оказывались в аналогичной ситуации, когда был некий общественно-государственный заказ на научные исследования концепции дальнейшего развития, а самих исследований не было. Их и сейчас, к сожалению, нет, хотя этот заказ и сегодня существует, потребность в них даже большая, потому что в 1991 году у нас был еще этот 16-летний период раскочки. Сегодня у нас периода для «раскочки» уже нет. Нам надо создавать эффективную страну, эффективное общество, эффективную экономическую систему, а времени на раскочку нет... Азербайджанский бюджет на следующий год равен 10 млрд. долларов, азербайджанский государственный нефтяной фонд составит 10 млрд. долларов, а мы собираем с мирового армянства 15 миллионов долларов.

Повторюсь, у нас нет времени на раскочку, у нас нет времени на то, чтобы праздно рассуждать, у нас нет времени даже на то, чтобы бороться друг с другом и выступать в качестве каких-то политических полюсов. Нет разницы, какой именно полюс будет иметь какое-то будущее или, скорее всего, прошлое. Нам важно, чтобы страна имела свою концепцию развития, и ее должны выработать мы с вами, – и никто другой. Это гораздо важнее, чем то, кто выиграет или кто проиграет на ближайших президентских выборах.